

Берега памяти

Григорий Некрашевич

Григорий Константинович Некрашевич-Поклад – родился в 1961 году в деревне Беки Гомельской области. Срочная служба: 1979–1981, Закавказский военный округ, ВДВ. В 1988 году окончил ВВВАИУ, квалификация техник-механик, в 2002 году – Калининградский юридический институт МВД России, юрист по специальности «юриспруденция». Подполковник полиции. Последняя занимаемая должность: заместитель начальника (по учебной работе) Центра профессиональной подготовки УМВД России по Калининградской области. С 2014 года в отставке. Член общественного объединения Минское собрание наследников шляхты и дворянства. Автор книг: «От благородного рыцаря до почётного хлебороба», «Служить Отечеству». Журнал «Великороссь» – очерк об истории фамилии Поклад «Из польской шляхты – в казачество», журнал «Берега» – очерк о службе генерал-майора Некрашевича-Поклада Иосифа Григорьевича «Служба Царю и Отечеству. Очерк о церковнослужителях Поклад». Проживает в Калининградской области.

ДЕТИ ОТЕЧЕСТВА

Глава 3-я из книги «Служить Отечеству»

Александра Фёдоровна Некрашевич-Поклад – младший ребёнок в семье Фёдора Григорьевича и Михалины Станиславовны. Родилась 2 января 1898 года. С раннего возраста родители привили Александре тягу к наукам, к музыке. Помимо учителей, которые давали ей знания, также помогали и старшие сёстры.

В десятилетнем возрасте, в 1908 году, родители определили Александру в Мариинскую Могилёвскую женскую гимназию. В гимназию могли поступать девочки в возрасте от 9 до 12 лет. Гимназия находилась в ведении императрицы Марии, отсюда и её название – Мариинская. При поступлении девочки должны были сдать экзамены. Проверялось умение читать, писать, выполнять четыре действия с числами от 1 до 100 и знать главные молитвы. Александра показала на экзаменах блестящие знания.

При гимназии действовал платный пансион, куда Александра и была определена. В год нужно было платить 250 рублей. Фёдор Григорьевич, согласно своему жалованию, в состоянии был оплачивать указанную сумму. При этом дочь Вера уже обучалась на последнем курсе, где также требовалась оплата.

Срок обучения в гимназии – семь лет, предметы: Закон Божий, русский язык (грамматика вместе с важнейшими произведениями словесности), арифметика, геометрия, география, история, главные понятия из естественной истории и физики, домашнее хозяйство и гигиена, чистописание, рукоделие. Все, кто обучался необязательным предметам – французским и немецким языкам, рисованию, музыке, пению и танцам, должны были их оплачивать отдельно.

Родители порекомендовали Александре изучать французский язык, а также, по её просьбе – музыку.

Александра училась в гимназии с большой охотой, у неё были хорошие способности, когда возникали трудности, помогали сестра Вера и двоюродная сестра – Нина Ивановна Некрашевич-Поклад,

дочь брата Фёдора Григорьевича. С 1912 года она работала в Могилёвской женской гимназии классным надзирателем.

Александра увлеклась игрой на фортепиано, полюбила этот инструмент. Сёстрам и братьям так понравилось, как Александра играет и поёт, что они попросили родителей купить домой фортепиано. Родители выполнили просьбу детей и с гордостью слушали домашние концерты дочери. Александра пела романсы, аккомпанируя себе на фортепьяно.

Ещё Александра полюбила предмет, называемый «рукоделие». Казалось бы, пустяковый предмет. Однако в руководстве о его преподавании Министерством народного просвещения (в 1906 году) говорилось:

- первый класс: вышивка крестом, подрубка салфеток, полотенец, платков, шитьё постельного белья, детских передников и простой рубашки;
- второй класс: французский шов, сквозная строчка, петли прорезные и воздушные, пришивание пуговиц, штопка и заплаты; шитьё простейшего детского белья; вязание крючком, вязание на спицах детского чулка;
- третий класс: штопка чулочная, починка белья и платья и простого дамского; шитьё гимназического передника;
- четвёртый класс: кройка детского белья и простого дамского; шитьё гимназического передника;
- пятый класс: кройка и шитьё дамской юбки;
- шестой класс: кройка и исполнение дамского платья.

Михалина Станиславовна, мама Александры, была рада, что дочь преуспевает не только в изучении французского языка и музыки, но и в рукоделии.

Время учёбы прошло быстро, наступил последний, выпускной. После окончания 7-го класса гимназии выпускницы имели право на звание «домашней учительницы», а позднее и на преподавание в начальных классах. Но Александра Фёдоровна мечтала о продолжении обучения на фортепиано. Она попросила родителей, чтобы её отправили в консерваторию Санкт-Петербурга. Учитель музыки сказал Фёдору Григорьевичу, что у Александры отличный музыкальный слух и поёт она замечательно.

Фёдор Григорьевич в то время уже находился на пенсии и изъявил желание сопроводить дочь в столицу и поддержать её на экзамене. По дороге Александра сильно волновалась, молилась, просила Всевышнего дать ей силы выдержать экзамен. Фёдор Григорьевич также был взволнован, он очень любил дочь.

С. Петербургъ
Консерваторія.

St. Pétersbourg
Conservatoire.

По прибытии в Санкт-Петербург Фёдор Григорьевич подал прошение на имя директора, в прошении заявил, что предмет выбран по классу фортепиано. При прошении приложил свидетельства: а) метрическое, б) медицинское, о привитии от оспы, а также об окончании женской гимназии и подготовительного курса по классу фортепиано. Были приложены также две фотографические карточки.

Александрке представилось испытание: прослушивание, собеседование и чтение с листа. Экзамен выявлял общекультурный уровень поступающего, его эстетические взгляды, эрудицию в области музыкального искусства, знание основных этапов и закономерностей развития истории музыки, знание литературы по специальности.

Александра выдержала испытание и была зачислена в Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано в средний класс.

В то время в консерватории существовали три курса обучения – младший, средний и высший. Пребывание на каждом курсе зависело от уровня подготовленности студентов. Переход из одного курса на другой производился при достижении студентом определённого уровня техники игры и музыкальности исполнения. Срок обучения заранее не устанавливался: на каждом из трёх курсов студент обучался столько, сколько это было необходимо для достижения исполнительского мастерства. Такая система обеспечивала выпуск музыкантов высокой квалификации.

Александрке довелось обучаться один год на среднем курсе и два – на высшем.

Через несколько дней после поступления Александры в консерваторию состоялось её знакомство с профессором Варварой Александровной Оссовской. Узнав, что Александра окончила гимназию и курс при гимназии по классу фортепиано, Варвара Александровна попросила исполнить произведение из творчества Бетховена. Александра исполнила Девятнадцатую и Девятнадцатую сонаты, потом, более сложную – Пятую. Варвара Александровна внимательно выслушала исполнение и сказала:

– Для первого раза неплохо.

Но работа только начиналась, Александра понимала, что ей предстоит ещё немало потрудиться.

– У вас неплохие перспективы в учёбе, – добавила Варвара Александровна.

Помимо музыкальных дисциплин, Александра проявляла любовь к французскому языку, считала не лишним для себя посещение подобного класса. Александра училась прилежно, со стороны профессорского состава замечаний к ней не было, поступали только похвалы за отличную успеваемость. Она упорно готовилась к экзамену.

Наступил день экзамена. Экзаменационную комиссию возглавлял Александр Константинович Глазунов. Когда Александра подошла к роялю, он предложил ей начать с Баха. Она сыграла десять-пятнадцать тактов фуги, а затем перешла к исполнению «Аппassionаты» Бетховена. Александр Константинович подошёл к роялю и сказал:

– Хорошо. Поздравляю с переходом на старший курс.

Александра Фёдоровна поспешила сообщить радостную новость родителям, сёстрам и братьям. Её старания в учёбе не прошли даром, бессонные ночи, переживания остались позади.

Студенты консерватории устраивали вечера, где выступали скрипачи, виолончелисты, вокалисты и пианисты, на вечерах присутствовали директор консерватории А. К. Глазунов и профессора, Александра понимала, как велика ответственность во время такого выступления, но все они были для неё успешными.

Приезжая домой на летние каникулы, Александра и здесь целиком посвящала себя музыке, играя с утра до позднего вечера.

За время обучения в консерватории она достигла высокого уровня исполнительского мастерства.

Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила условия работы консерватории. В 1918 году Петроград оказался отрезанным от периферии, число учащихся консерватории вследствие этого, а также из-за массового отъезда преподавателей и студентов сократилось до 600 человек; занятия проходили в экстремальных условиях. Здание консерватории не отапливалось, занятия были нерегулярными, студенты сидели в пальто, шапках, перчатках, которые снимали лишь для написания диктанта мелом на настенной грифельной доске или для проигрывания хорала на ледяных клавишах.

Консерватория стала государственным учреждением, перейдя под крыло Народного комиссариата просвещения, и стала называться Петроградской консерваторией. Как новое правительство отнесётся к студентам дворянского сословия, разрешит ли им продолжить обучение, было неизвестно. Александре не хотелось покинуть консерваторию, не доучившись. Родители боялись и переживали за дочь. Профессорский состав консерватории предложил своим студентам продолжить обучение. Весной 1918 года был произведён 53-й выпуск учащихся. Александра, выдержав экзамен, получила диплом о высшем музыкальном образовании и вернулась к родителям. За годы обучения она приобрела знание трёх иностранных языков – польского, немецкого и французского, могла свободно разговаривать и переводить на русский.

Вернувшись домой, Александра стала искать работу по своему профилю – преподавание музыки или обучение иностранным языкам. Она обратилась в Мстиславское высшее начальное училище. Её приняли на работу, такие специалисты были востребованы. На дому Александра давала уроки музыки по классу фортепиано.

Однажды прогуливаясь летом в парке, Александра познакомилась с очаровательным молодым человеком – Иваном Михайловичем Вигуро. Они стали встречаться, Александре было приятно внимание Ивана Михайловича, он был из старинного дворянского рода, хорошо воспитан, эрудирован. Не доучившись в университете, он был призван в армию и оказался в аду Первой мировой войны, Иван Михайлович рассказывал Александре Фёдоровне об артиллерийских обстрелах, о газовых атаках врага, когда русские солдаты массово умирали от удушья.

Иногда Александра Фёдоровна отказывалась от встречи, оправдываясь тем, что занята домашними уроками и работой в женской гимназии, на что Иван Михайлович отвечал:

– Пусть наши встречи не будут помехой твоей работе.

Он знал, что в дворянских кругах господствует представление о музыке как о своеобразном украшении аристократического общества, как развлечении в часы досуга. Занятия музыкой считались в этой среде признаком тонкого европейского воспитания и светской «галантности».

Пришло время, когда Иван Михайлович попросил Александру Фёдоровну познакомить его с её родителями.

Он был приглашён на обед, в воскресенье. Иван Михайлович волновался, ведь он знал отца Александры как грозного уездного начальника, неважно, что теперь он пенсионер, характер остался прежним.

И вот наступил долгожданный день, к которому Иван Михайлович тщательно готовился, он предупредил своих родителей, что будет просить руки Александры.

Александра Фёдоровна представила родителям Ивана Михайловича и села за столом рядом с ним. Фёдор Григорьевич был знаком с родителями Ивана Михайловича, потому не стал расспрашивать о них. Стал рассказывать о беспорядках в городе, о бесчинствах «пьяных отрядов красноармейцев». Иван Михайлович попытался успокоить его: «Постепенно всё уляжется». Но Фёдор Григорьевич возражал: «Нет, пропала Россия».

Михалине Станиславовне такое течение беседы не понравилась, она знала, с какой целью пришёл Иван Михайлович, и постаралась перевести разговор на другую тему. Иван Михайлович, выбрав момент, поднялся со стула и обратился к родителям, немного высокопарно попросив руки и сердца их дочери Александры. Родители не возражали. Обговорили время, когда засылать сватов. В начале 1919 года сыграли свадьбу. Таким образом образовалась семья Ивана Михайловича и Александры Фёдоровны Вигуро. После свадьбы молодые стали проживать у родителей Ивана Михайловича.

Вскоре Фёдор Григорьевич Некрашевич-Поклад погиб от рук бандитов. Для семьи Вигуро это было огромное горе. Иван Михайлович пообещал разыскать убийц, но сделать это было сложно, новой власти неинтересна была судьба бывшего уездного исправника.

Автору этого очерка так и не удалось разыскать в архивах уголовное дело по факту убийства бывшего коллежского советника Фёдора Григорьевича Некрашевича-Поклада. Можно предположить, что дело и не заводилось.

Прошёл год, и Александре Фёдоровне подошло время уходить в отпуск по беременности. Женщинам в связи с беременностью и родами новой властью было установлено пособие: отпуск в размере полного их заработка на период восьми недель до родов и восьми недель после.

8 января 1920 года у Ивана и Александры родился сын, которому дали имя Лев. Жаль, что не дождался внука Фёдор Григорьевич. В 1921 году родился второй сын – Евгений.

Иван Михайлович с супругой к этому времени обзавелись хозяйством, они решили, что Александра на работу не выйдет, будет заниматься воспитанием сыновей и домашними делами, Иван Михайлович был в постоянных разъездах по долгу службы, редко бывал дома. Александра, для поддержания семейного бюджета, продолжала давать уроки по классу фортепиано.

Иван Михайлович работал директором «товарообменного пункта» в одном из колхозов неподалёку от Мстиславля. В целях усиления смычки города и деревни в уезде была создана сеть «товарообменных пунктов» (магазинов). Крестьянам для обмена на зерно предлагались различные товары: соль, спички, мануфактура, серпы, ручные косы, колёсные мази и многое другое, без чего нельзя было обойтись в крестьянском хозяйстве.

Работа у Ивана Михайловича была не из лёгких, надо было удовлетворить все просьбы трудящихся, строго контролировать этот «натуральный обмен». Он дневал и ночевал на работе, чувствуя свою ответственность, старался, чтобы каждый колхозник остался доволен той или иной покупкой. Иван Михайлович не вылезал с оптовых баз, которые находилась в городе Рославле Смоленской губернии.

С 1919 по 1924 год Мстиславль находился в составе Смоленской губернии, с 1924 года – в Белорусской ССР; с 17 июля того года стал районным центром Могилёвской области.

Иван Михайлович в Рославле завоевал авторитет у местного руководства, его считали способным организатором, ответственным руководителем своего ранга. Однажды его пригласили в райисполком и предложили работу на заводе, выпускающем стеклоизоляторы, в качестве заместителя коммерческого директора, с выделением квартиры для семьи.

История этого предприятия такова: в 20-е перед молодой Советской республикой остро стояла проблема электрификации, для надёжной изоляции воздушных линий электропередач в ту пору применялись фарфоровые изоляторы, но они были непомерно дороги, и специалисты предложили производить стеклоизоляторы, которые имели большую механическую прочность и медленнее подвергались старению в сравнении с фарфоровыми. Но, самое главное, были дешевле.

Иван Михайловича организовал переезд семьи на новое место жительства, в Рославль, дом оказался добротным, с большими комнатами. Тут же встал вопрос о переезде к ним Михалины Станиславовны, мамы Александры, которая проживала одна после смерти Фёдора Григорьевича. Она приняла предложение детей с радостью, ей нравилось нянчиться с внуками.

В 1925 году в семье Ивана Михайловича и Александры Фёдоровны рождается сын, которому дали имя Аркадий. Михалина Станиславовна была очень рада появлению ещё одного мальчика, она не боялась новых забот.

*Александра Фёдоровна на отдыхе в Крыму.
1932 год*

В 1926 году родилась дочь Алла. Вся семья была рада рождению девочки, но, к большому горю, через семь месяцев девочка умерла. Но жизнь продолжалась, Иван Михайлович был загружен работой, а Александра занималась воспитанием троих сыновей.

Иван Михайлович был назначен директором завода, прежний директор ушёл на повышение в Смоленск. Работа ответственная, нагрузка огромная, но отказаться было невозможно – коль партия требует, нужно выполнять поставленную задачу.

В 30-е годы завод работал на полную мощь, Иван Михайлович разрывался между производством и семьёй, начало подводить здоровье, но Иван Михайлович не привык жаловаться на судьбу. В 1936 году семью Вигуро потрясло горе: умерла Михалина Станиславовна.

На пороге стоял 1938 год, старший их сын Лев заканчивал среднюю школу, Лев решил стать военным и подал документы в Московское военно-инженерное училище. Однако по состоянию здоровья ему было отказано. Лев настолько чувствовал себя военным, что не мог поверить, что здоровье его подвело. Он обратился в письменной форме к наркому обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову, прося разрешить ему досрочно уйти в армию. В начале 1939 года пришёл ответ о том, что невозможно находиться в рядах Красной армии с диагнозом, несовместимым с несением военной службы.

Тем не менее Льва не покидала мечта стать военным. В 1939 году он предоставил документы с пройденной медицинской комиссией в Калининское военное училище химической защиты. Каким образом ему удалось пройти медицинскую комиссию, история умалчивает. Он успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс.

Иван Михайлович и Александра Фёдоровна были рады, что мечта сына сбылась.

Лев Иванович активно принимал участие в общественной жизни училища. За успехи в боевой и политической подготовке ему было присвоено воинское звание сержант с назначением на должность командира отделения. Командование училища, заметив старания Льва Вигуро в службе, предложило стать кандидатом в члены ВКП(б). В мае 1940 года на общем училищном партийном собрании сержант Лев Иванович Вигуро был принят кандидатом в члены ВКП(б). Он тут же сообщил об этом родителям.

В мае 1941 года по приказу НКО СССР № 00275 Вигуро Льву Ивановичу при выпуске из военного училища присваивается воинское звание лейтенант, он направляется в 7-й стрелковый полк, который дислоцировался в городе Молодечно, на должность командира миномётного взвода.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, взвод лейтенанта Вигуро, при ведении огня по противнику, попал под авиационный бомбовый удар, Лев Иванович получил контузию, но в медсанбат ехать отказался и продолжал вместе со своим взводом выполнять боевые задачи.

Прикрывая отход полка в направлении Минска, взвод лейтенанта Вигуро попал в окружение, Лев Иванович пытался вывести взвод, но получил осколочные ранения обеих ног и руки. Он потерял сознание и остался на оккупированной немцами территории. 7 июля 1941 года он был найден гитлеровцами без сознания в шестнадцати километрах от города Минска.

Лев Иванович очнулся от тряски на повозке, его везли в лагерь для военнопленных в Минск.

Командование полка известило родителей, что Вигуро Лев Иванович героически погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Родители были потрясены этой утратой.

В начале Великой Отечественной войны был призван в армию Евгений Вигуро, 4 апреля 1944 года, после освобождения Рославля, пришло сообщение, что он пропал без вести.

3 августа 1941 года немецко-фашистские войска оккупировали Рославль. Иван Михайлович с женой Александрой Фёдоровной, которая свободно владела несколькими иностранными языками, в том числе немецким, и сыном Аркадием, по заданию обкома партии, остались в городе для ведения подпольной работы против немецких захватчиков. Иван Михайлович понимал, что подвергает свою семью опасности, но, будучи коммунистом, иначе поступить не мог.

Он стал налаживать связь с жителями города, на которых можно было в этой работе рассчитывать.

Жене и сыну он объяснил, что им нужно отомстить за Льва и помочь бить врага Евгению. Аркадий заявил, что уже состоит со своими друзьями в подпольной организации Евгения Скачко и будет бить фашистов. Родители попросили его быть осторожным.

Иван Михайлович был связным городского подполья с партизанским отрядом. Но одна из подпольщиц попала в поле зрения гестапо, за ней установили слежку. От командира партизанского отряда она получила приказ немедленно покинуть город. Исходя из тяги к нажитому бараклу, она, без разрешения руководства подполья, решила отнести свои вещи на хранение к семье Вигуро. Иван Михайлович был удивлён неожиданным появлением женщины, она нарушила конспирацию, но, по своей доброте, вещи её принял, даже не зная, что в этих узлах находится. Подпольщице под покровом темноты удалось покинуть город. Ночью к Вигуро нагрянуло гестапо, при обыске в вещах подпольщицы обнаружили гранаты и пистолет. Ивана Михайловича, Александру Фёдоровну и Аркадия арестовали, они были подвергнуты зверским истязаниям, пыткам, фашисты пытались узнать, где находится партизанский отряд. Но семья Вигуро вела себя героически и не выдала партизан. 1 июля 1942 года их расстреляли.

История подполья города Рославля исследована ещё не полностью, не установлены имена многих его участников, которые мужественно боролись с врагом. Ещё долго предстоит историкам устанавливать истину, чтобы найти не только имена героев, павших за Родину, но и тех, кто выдавал их фашистам.

Льву Ивановичу Вигуро была уготована сложная судьба. В конце июля 1941 года из минского лагеря их отправили в концлагерь города Бяла-Подляска, в восточной Польше. Затем его перевезли в Германию, в концлагерь, находившийся в городе Хаммельбург, в Баварии. В этом лагере Лев Иванович едва не был расстрелян из-за внешнего сходства с евреем. Лишь по чистой случайности он остался жив. В декабре 1941 года его перевезли в концлагерь, расположенный на реке Дунай. Лев Иванович испытывал глубокую ненависть к врагу и сожалел, что не может отомстить за своё пленение.

В марте 1942 года его перевозят в «Шта-лаг XIII-D» в город Нюрнберг. Город расположен на севере центральной части Баварии, на реке Пег-

Вигуро Лев Иванович

Семья Вигуро.

*Иван Михайлович, Александра Фёдоровна, их дети:
справа налево – Лев, Евгений, Аркадий*

ниц. Пленные были размещены в больших брезентовых балаганах, на земле – солома, очень холодно. Напали вши – пошла большая смертность. Мёртвых увозили ночью, из четырёх больших балаганов пленных осталось только в двух – половина умерла.

Повезло тем, кого выводили из лагеря на работу. В числе таких счастливиц оказался Лев Иванович, его определили на военный завод. На свой страх и риск он вредил на заводе чем мог. О своей деятельности с другими пленными не говорил, из опасения предательства. В лагере Лев Иванович встретился со своим другом по военному училищу лейтенантом Александром Сергеевым. Он поделился с ним мыслями о том, как нанести вред врагу, но так, чтобы никто тебя не смог заподозрить. Они вместе чинили различные станки и конвейеры. В конце 1944 года, заподозрив в частых поломках станков Сергеева, его увезли в другой концлагерь. Льва Ивановича оставили, не смогли доказать его вину. Больше ему с Сергеевым встретиться не довелось. Лев Иванович отлично владел немецким языком, и его иногда пытались использовать в качестве переводчика, он отказывался, говоря, что немецкий язык знает слабо.

Приближался конец войны, фашисты с остервенением стали расправляться с военнопленными. Многие товарищи Льва Ивановича погибли, но он остался жив.

В конце 1944 года в лагере начали появляться представители власовской армии, проводя агитацию среди военнопленных по поводу вступления в Русскую освободительную армию (РОА). Потом стали просто отбирать военнопленных и уводить на другую сторону построения, тех, кто сопротивлялся, сразу же расстреливали. Таким образом Лев Иванович оказался в РОА. Он знал, что переступил порог своей совести, офицерской чести. Но понимал, что, получив оружие в руки, сможет отомстить фашисту за своих товарищей. Он решил, что, попав на фронт, приложит все усилия, чтобы сдаться в плен. Он ещё не знал, что его родители и младший брат Аркадий погибли от рук фашистов.

В марте 1945 года он был зачислен в РОА, и его направили в офицерскую школу в город Мюнзинген, расположенный в земле Баден-Вюртемберг. Лев Иванович старался всячески симулировать, показывая, что его здоровье утеряно в лагерях, но его перевели в формирующуюся бригаду, где он нашёл единомышленников. Бригаду не успели отправить на фронт, война закончилась.

Находясь в зоне оккупации американской армии, Льву Ивановичу снова пришлось испытать все муки плена. Американцы проводили отбор для вербовки, в основном делали упор на прибалтов и украинских националистов.

Лев Иванович мечтал вернуться на свою Родину, надеялся, что при проверке фактов, безвыходность его положения в плену будет учтена. Но он ошибался.

В архиве мною был обнаружен документ, спецсообщение уполномоченному СНК СССР по делам репатриации граждан СССР, генерал-полковнику Голикову, г. Москва.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

г. Берлин

Нами были составлены и вручены командованию списки 3-й армейской армии из 3235 человек, в том числе 314 офицеров, содержащихся в американском лагере для военнопленных № 431 в г. Платлинг, бывших военнослужащих Красной Армии, попавших в плен к немцам и впоследствии добровольно перешедших на службу в РОА и в другие национальные формирования, принимавших на стороне врага участие в боях против армий союзников.

Командование американской армии приняло решение перепроверить наши списки и лиц, указанных в них, на предмет определения их гражданства. Председателем комиссии являлся зам. командира 4 армейской танковой дивизии генерал Робертс.

Нашим офицерам участвовать в этой комиссии американское командование не разрешило.

Комиссия свою работу закончила и определила: 1597 человек, в том числе 191 бывший офицер, подлежат отправке под охраной в Советский Союз, а 1638 человек, в том числе 150 офицеров, – отправке не подлежат, так как они комиссией определены, как не советские граждане, они изъявили желание убыть в США.

22 февраля 1946 года Штаб Юстеф сообщил, что на 24.02.46 г. назначена отправка в советскую оккупационную зону 1597 человек из лагеря для военнопленных г. Платлинг двумя эшелонами.

Для сопровождения эшелонов мною были выделены мои помощники подполковники т. т. Фоменко и Бурашников.

Организация отправки.

За сутки до начала погрузки в эшелоны, по приказу командира 4-й танковой дивизии, была прекращена телефонная связь и посещение лагеря Платлинг родственниками содержащихся в лагере, преследовалась цель – скрыть подготовку отправки, о ней в лагере никто не должен был знать.

С вечера 23.02.46 г. охрана лагеря была усилена за счёт танкового батальона, оцепившего весь лагерь. Допуск в лагерь был прекращён для всех, за исключением командования дивизии и администрации лагеря.

Утром 24.02.46 г. к лагерю и станции погрузки Платлинг, для обеспечения организации отправки, было выделено 3000 человек американских солдат, 18 танков, 40 броневиков и 20 автомашин с пулемётами. Солдаты, кроме имеющих у них вооружения, имели деревянные палки.

На железной дороге станции Платлинг были подготовлены два эшелона по 40 вагонов каждый. Охрана каждого эшелона состояла из 6-ти человек американских солдат на вагон, и 5-ти офицеров, из них один – старший на эшелон.

Погрузка первого эшелона началась в 7:00 часов 24.02.46 г. в следующем порядке: все лица, подлежащие отправке, выстроены в лагере перед своими бараками, и группами по 15 человек грузились на автомашины. Каждая автомашина до станции погрузки охранялась 5-ю американскими солдатами и сопровождалась автомашиной «ВИЛЛИС» с пулемётом. На всём пути от лагеря до станции погрузки стояло оцепление из американских солдат и бронемашин. Территория лагеря и бараки охранялись танками и бронемашинами. При погрузке в вагоны американцы производили тщательный обыск, изымая все остро режущие предметы, а также верёвки, ремни, спички и др. предметы, которые могли быть использованы для попытки к самоубийству.

Погрузка первого эшелона закончилась в 15:00, второго – в 18:00 часов 24.02.46 г. Эшелоны отправлялись немедленно по окончании погрузки.

Организацией отправки и погрузки руководили: командир 15 американского корпуса, он же командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Приккет и его заместитель генерал Робертс. Оба находились во время погрузки в лагере и все распоряжения исходили от них по телефону и по радио.

В организации погрузки и отправки с нашей стороны не участвовал никто, так как командование возражало, боясь инцидентов.

До приёмопередаточного пункта советской оккупационной зоны станции Шомберг эшелоны сопровождали мои помощники: 1-й эшелон – подполковник т. Бурашников; 2-й эшелон – подполковник т. Фоменков, которые сели в эшелоны на станции Платлинг, во время их отправки, согласно предварительной договорённости с командованием.

Происшествия при погрузке и в пути следования.

Ещё до погрузки в вагоны, т. е. в бараках лагеря, 9 человек из числа подлежащих отправке, решили покончить жизнь самоубийством путём вскрытия вен, из них – 3 человека умерло, фамилии изначально американцы назвать отказались, а потом стали отрицать этот факт; 4 человека отправлено в госпиталь в тяжёлом состоянии. Рядовой Константин Кувшинов перочинным ножом нанёс себе порезы живота и груди; рядовой Иван Бондаренко разрезал себе полость живота. Оба они после оказания медицинской помощи были погружены в вагоны и отправлены с эшелонами.

Таким образом со станции Платлинг в эшелонах было фактически отправлено 1590 человек.

В пути следования в ночь с 24 на 25.02.46 г. в вагоне повесился на кожаном шнурке от ботинок рядовой, бывший пропагандист РОА, Кузьма Беликов; разрезал горло и вскрыл вены бритвенным лезвием бывший офицер Красной Армии майор Пётр Коновалов, который остался жив, ему оказали медпомощь.

Рядовой Константин Кувшинов, который тяжело ранил себя ещё до погрузки в лагере Платлинг, но был посажен в вагон после оказания медпомощи, в пути скончался, видимо от потери крови. Это произошло вследствие отсутствия должной бдительности со стороны американской охраны.

Побегов, как при погрузке, так и в пути следования, не было.

Передача в советской оккупационной зоне.

25.02.46 г. днём на станции Шомберг происходила передача вышеуказанных 1590 человек по спискам и акту. В списках офицерского состава значится Вигуро Леон (Лев) 1920 г. р., лейтенант.

Принимал начальник приёмопередаточного пункта подполковник т. Князев, которому и вручены списки на 1590 человек.

Передача производилась путём перезагрузки из американских вагонов в эшелон, поданный нашим командованием при выделении соответствующей охраны, для обеспечения безопасности при перегрузке и охраны в дальнейшем пути следования.

При перегрузке имели место следующие заявления:

а) Из двух вагонов находившиеся там лица отказались выходить, заявляя: «Расстреливайте здесь, но мы ни за что не выйдем из вагона»;

б) Отдельные лица при переходе из американских вагонов в наши заявляли: «А где же “волки”, которые нам рассказывали, чтобы не ехать, ведь они – полковники, майоры» и т. д. «Когда же будете расстреливать?»

Наши мероприятия:

24–25.02.46 г. ознакомившись на месте с тем, как происходила отправка лиц вышеуказанной категории из американского лагеря для военнопленных в г. Платлинг, мною 28.02.46 г. лично вручено письмо начальнику штаба 3-й армейской армии генералу Карлетон, в котором опротестовано заключение комиссии о том, что оставшиеся в лагере 1638 человек бывших военнослужащих Красной Армии не являлись советскими гражданами, неподлежащими под действие директивы ЮСФЕТ от 4 января 46 г., а потому не подлежащими отправке в Советский Союз.

Приложение: Списки на 191 человек б/офицеров Красной Армии, отправленных в составе указанных эшелонов.

Генерал-майор Давыдов
«28» февраля 1946 года
№ 0456
г. Мюнхен.

Автор очерка привёл архивный материал для того, чтобы показать, как вёл себя лейтенант Лев Иванович Вигуро во время передачи его из немецкого плена в Советский Союз. Ведь при вербовке американцами он мог не согласиться ехать на Родину, а перейти к американцам, он отлично понимал, что его ждёт, верил в справедливость, которая должна восторжествовать, ведь против Красной армии он не воевал.

После помещения их в лагерь для репрессированных Лев Иванович попал на проверку в «Смерш», а затем – под следствие, которое продолжалось семь месяцев. Следователям Лев Иванович подробно изложил свою историю, от военного училища до пленения фашистами, рассказал о том, что был ранен и в плен попал в бессознательном состоянии. Сейчас уже не является секретом, каким образом выбивали показания следователи. Льва Ивановича избивали, за ночь несколько раз выводили на допросы, принуждая его подписать, что он, советский офицер, добровольно сдался в плен с оружием в руках, был активистом во власовской армии.

Лев Иванович чувствовал, что его могут сломать, силы на исходе, может быть, лучше, чтобы расстреляли и муки закончились. Чтобы избежать страданий, он решил подписать всё, что требовали следователи.

Военным трибуналом группы оккупационных войск в Германии Вигуро Лев Иванович, согласно ст. 106 приказа ГУК НКО № 02617–44 г., в отношении исключения из списков Вооружённых сил Союза ССР командира миномётного взвода 7-го стрелкового полка как пропавшего без вести в июне 1941 года, был осуждён к 10 годам ИТЛ. Его лишили воинского звания, отныне он не являлся участником Великой Отечественной войны. Но Лев Иванович верил, что придёт время и его дело пересмотрят.

Льва Ивановича этапировали отбывать срок в Архангельскую область. Находясь в лагере, он узнал, что его родители и брат Аркадий погибли от рук фашистов в Рославле, а брат Евгений в апреле 1944 года пропал без вести. В январе 1951 году его перевели в г. Воркуту Коми АССР. За хорошее

поведение и добросовестный труд Лев Иванович был досрочно освобождён, но, по просьбе администрации, остался работать в колонии и проработал там с 1955 года по сентябрь 1978 года техником-нормировщиком, инженером по ТБ, инженером по организации труда.

Однажды его вызвали в Воркутинский городской военкомат для награждения медалью «За победу над Германией», но потребовали справку о снятии судимости, однако судимость не была снята и в награждении ему было отказано.

Но жизнь продолжалась, друг задал вопрос Льву Ивановичу, думает ли он обзаводиться семьёй, по возрасту давно пора. Лев Иванович ответил, что он никому не нужен со своей судимостью. Но товарищ упорно настаивал, предложил познакомиться с девушкой, показал её фотографию, это была подруга его жены, её звали Шура.

Лев Иванович попросил адрес девушки, завязалась переписка, Лев Иванович уговорил Шуру приехать к нему в Воркуту и познакомиться лично. Как это ни странно, но Шура – Лаптева Александра Степановна – решила приехать из Орловской области в Воркуту. Это произошло в 1956 году. Подруга рассказала ей, что Лев Иванович – человек честный и порядочный, но с трагической, трудной судьбой.

Лев Иванович встретил Александру Степановну на вокзале, они разговорились, им показалось, что они давно знают друг друга. Лев Иванович не стал медлить и предложил Александре выйти за него замуж. Она растерялась, но вдруг поняла, что ждала этого предложения, потому и приехала в такую даль, в Воркуту.

7 мая 1956 года они расписались и справили свадьбу. Администрация выделила им в бараке комнату. 2 января 1957 года в семье Вигуро рождаются девочки-двойняшки, Ольга и Татьяна.

Лев Иванович и Александра Степановна испытали много трудностей, быт был налажен плохо, в Воркуте суровые зимы, нужно было постоянно топить печь, издалека носить ведрами воду, бывали перебои с продуктами. Но они не унывали, растили и воспитывали детей.

Судимость со Льва Ивановича сняли в 1957 году. За безупречный труд он неоднократно поощрялся администрацией грамотами и денежными вознаграждениями, был удостоен Почётного знака к 25-летию Печорского угольного бассейна. Лев Иванович выполнял большую общественную работу, был избран профоргом, а затем председателем профсоюзной организации предприятия; заместителем председателя группы народного контроля.

Своим упорным трудом Лев Иванович смог завоевать в коллективе предприятия заслуженный авторитет, коллеги и руководство относились к нему с уважением. Фотография его была размещена на доске Ветеранов труда.

Однако реабилитирован он не был, и это было обидно, видя незаконность и несправедливость протоколов, по которым был осуждён. Руководство предприятия посоветовало ему обратиться в соответствующие органы по поводу реабилитации, обещали поддержку. Так он и сделал, но, к сожалению, пришёл ответ: «Вы осуждены правильно и причин к пересмотру Вашего дела нет». Больше Лев Иванович никуда писать не стал.

Проработав более двадцати лет на Крайнем Севере (Воркута является районом Крайнего Севера), Лев Иванович получил право оформить пенсию по старости на пять лет раньше общеустановленного срока. Льва Ивановича проводили на пенсию с почестями и памятными подарками.

После этого Лев Иванович и Александра Степановна решили поменять место жительства, дочери уже выросли, Ольга после окончания средней школы вышла замуж и в 1975 году родила сына Евгения, а в 1994 году – сына Таира, в 1994 году её семья переехала на постоянное место жительства в Пермскую область.

Татьяна после окончания средней школы пошла учиться в торгово-кулинарное училище, затем окончила курсы бухгалтеров. Вышла замуж, в 1982-м родила дочь Наташу, в 1993 году – сына Данила.

В 1978 году Лев Иванович и Александра Степановна купили небольшой дом в городе Щёкино Тульской области. Жизнь на пенсии Льву Ивановичу показалась скучной, он привык быть среди людей, заниматься делом. Через два года он пошёл работать мастером на предприятие учреждения УЮ-400/7 ГУИН Минюста России (строгий режим, 1300 мест), Щёкинский район Тульской области, посёлок Социалистический. Он проработал там с 1980 по 1993 год. Однажды, простыв на работе, взял больничный лист, пришёл домой с высокой температурой, вечером лёг спать и уже не проснулся.

*Михалина Станиславовна
Некрашевич-Поклад, супруга
Мстиславского уездного исправника
Фёдора Григорьевича Некрашевича-Поклада*

*Вигуро Лев Иванович и супруга Александра Степановна,
г. Воркута, 1960 год*

Их дочери: слева – Ольга, справа – Татьяна

Лев Иванович Вигуро ушёл из жизни 10 марта 1993 года, а 1 февраля 2006 года перестало биться сердце его жены, Александры Степановны.

28 февраля 2022 года от тяжёлой болезни ушла из жизни их дочь, Ольга Львовна. Остались её сыновья: Евгений и Таир. У Евгения – сын Алексей и дочь Екатерина.

Дети Татьяны Львовны: дочь Наташа и сын Данил. У Наташи трое детей, дочери Настя и Татьяна и сын Лев.

Почему автор очерка столь подробно раскрыл историю сына Александры Фёдоровны Вигуро (Некрашевич-Поклад)? Изучив архивные материалы о жизни Льва Ивановича, автор не смог остаться в стороне, пройти мимо, ведь подобных историй в те времена было тысячи и тысячи. Люди всю свою жизнь посвящают честному труду, верят своей Родине, как бы тяжело ни складывалась их жизнь.